

Глава 1

«Триумф» победителей

Северный Кавказ, декабрь 2004 г.

Вертолет лег на нужный маршрут и набрал крейсерскую скорость. Сзади осталась дымящаяся, ранее считавшаяся неприступной, а теперь вдрызг разгромленная горная база Саббаха. Вся территория объекта и подходы к нему усеяны трупами боевиков. Да и сам легендарный террорист, который живым уходил из любых ловушек и засад, сейчас не сумел выскользнуть из хитроумного капкана и лежал в толстом пластиковом мешке, мертвое мертвого. Его даже перевозить будут в герметичном контейнере облаченные в комбинезоны и противогазы бойцы взвода химической защиты.

Аюб прислонился спиной к стенке грузовой кабины, но через простреленное плечо жесткость подрагивающего борта тут же передалась всему организму, и он снова отодвинулся на край откидного сиденья. Окинул взглядом лежащего в проходе на носилках Алху с забинтованной грудью — тот спал, учащенно дыша под действием анестетика.

— Граф! — наклонился к уху сидевший справа Тихий. — Тебя уколоть?

— Спасибо, потерплю! — ответил Аюб, перекрикивая шум двигателя. — Я уже выпил, чтобы шок снять, а промедол на спирт...

— Понятно, — кивнул Тихий.

Напротив, на лавке, лежал на правом боку Монтана. Док, сам с забинтованной головой, накладывал ему на бедро лангету. Дальше по салону, ближе к хвосту, — накрытое камуфлированной плащ-накидкой тело Магомеда на полу.

В принципе, группа отделалась «малой кровью» — пять «трехсотых» и один «двухсотый»¹, зато результаты впечатляют: опорный пункт «гнездо Саббаха» перестал существовать, Саббах ликвидирован, уничтожены наиболее известные полевые командиры, бандгруппы сражались между собой и уничтожали друг друга, в результате джамааты перессорились, в стане врага посеяно взаимное недоверие, а следовательно, обстановка среди НВФ², действующих на территории Северного Кавказа, дестабилизирована! И все это сделала их группа, которая, оказывается, носит секретное название «Сандал»... Правда, об этом сами они узнали только полчаса назад от своего ангела-хранителя из Управления «Т» — прикрывавшего их от своих «спецов», вертушек и артиллерии — подполковника с неподходящим для его нынешней роли позывным «Вампир». До этого название «Сандал» слышал только командир группы Мухтарч...

Так что, можно сказать, на жестоких весах специальных операций они оказались в большом выигрыше: Шумахер был ранен еще до начала основной операции и отправился в госпиталь, Монтана и Алха получили тяжелые ранения в бою за «гнездо Саббаха», Аюбу про-

---

¹ «Трехсотый», «двухсотый» — раненый и убитый (условное кодированное обозначение).

² НВФ — незаконные вооруженные формирования.

стрелили плечо и Доку отстрелили ухо... Это восполнимые потери — поправятся и опять станут в строй! А невосполнимая только одна — Магомед... «Только»! И совсем не «только»! Одно дело, когда в далеких штабах считают коды потерь по статистическим сводкам, а совсем другое — видеть веселого, жизнерадостного, полного сил товарища в виде холодного тела... Магомед — это не единица в клеточке ведомости, не «просто одна потеря»... Хотя он и не Магомед. Все бойцы группы собраны из разных подразделений, все знают друг друга только по позывным, да иногда по нечаянно проскочившим вымышленным именам. Командиру группы Мухтарычу известны фамилии прикрытия, но не больше: настоящие биографические данные хранятся где-то высоко и далеко, в бронированных сейфах... И вообще, судя по всему, об этой операции осведомлены только несколько человек...

Салон видавшего виды трудяги «Ми-8» забит до предела уставшими людьми с оружием, в мятом, порванном и прожженном камуфляже, каждый из которых хочет рассказать что-то, независимо от того, слушают его или нет. Некоторые пользуются переговорными гарнитурами, но большинство просто кричат, срывая и без того перенапряженные голосовые связки.

— Я еле успел развернуться, а то бы он мне снес голову! — возбужденно орет Тихий.

— Нас зажали перед входом в бункер, я смотрю, а «дух» гранатой замахивается, но Фитиль его вовремя снял! — радостно рассказывает Лось.

— Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! — заходится в истерическом смехе Махди. К нему подходит закончивший возиться с лангетой Док.

— Дать успокаивающего? — предлагает он. — Или спирта? Это нервное, сейчас пройдет...

Махди, не переставая хохотать, качает головой.

— Не... Это не от нервов... Думаю: вот ты нас лечишь, лечишь, а как ты сам без уха будешь? Док есть, а уха у него нет! Как же так? Получается Док без уха!

Аслан сидит молча и с сосредоточенностью робота набивает автоматный магазин патронами, потом разряжает и набивает заново, будто готовится к сдаче норматива. Только готовится ему не надо: он любой норматив перекрывает даже с закрытыми глазами.

Гремит двигатель, дрожит винтокрылая машина, всем бы расслабиться, да отдыхать, успокаивая натянутые как струны нервы да давая время возбужденному организму постепенно растворить насыщающий кровь адреналин... Но после крайнего нервного напряжения организму нужна разрядка. С осознанием того, насколько близко совсем недавно находился от смерти, но остался жив, и теперь все позади, приходит «отходняк»: кого-то пробивает на безудержный смех, кому-то нужно просто выговориться... И ребята орут, перекрикивая грохот, смеются без всякой причины, — радуются, что остались живы.

«А что дальше будет? — размышлял в полусне Граф. — Расформируют группу и отправят по прежнему месту службы? Вряд ли... Мы уже прошли такую «обкатку», что спускаться на прежний уровень нас смысла нет — надо наверх поднимать... Для особых заданий со смертельным риском люди всегда нужны...»

— Нормально делай — нормально будет, — словно читая мысли, произнес Мухтарыч любимую в Дагестане поговорку. Он надел гарнитуру и Аюбу показал, чтобы тот сделал тоже самое, теперь они могли говорить, не напрягаясь. — А мы все нормально сделали. Даже больше, чем нормально! За такую победу в Древнем Риме полководцу и его войску полагался триумф! Торжественный въезд в город на четверке вороных, золотой венец, рукоплескания восторженных граждан, благосклонное вни-

мание императора, одаривание рабами, землей, должностями, всеобщая любовь и почет...

Когда-то Мухтарыч был школьным учителем и сейчас забытый осколок его личности выглянул наружу сквозь грубую кожу боевого офицера. Он заметно расслабился, разулыбался и был больше похож на заботливого кавказского отца или дядю.

— Да, рабов у тебя, Мухтарыч, и так хватает, — буркнул Граф, обведя рукой вертолетный салон. — И хотя они одного — покоя!

— Ничего, ничего... Подлечитесь, получите звания досрочно, новые должности...

— Ну их в задницу, эти должности! — вполне искренне сказал Граф. — Уволиться хочу, завести семью... Да без стрельбы и резни жить спокойно...

— Это ты в горячке, — успокаивающе сказал Мухтарыч. — Получишь награды, новые погоны, рану залечишь, успокоишься... И снова в бой потянет, это я тебе сто процентов даю... Кто уже на этой границе погулял, как заколдованный становится: снова и снова туда возвращается, словно тянет его кто-то туда...

— На какой границе?

— На той самой. Между жизнью и смертью. Да ты и сам это знаешь!

Аюб криво усмехнулся:

— Как бы нам вместо наград по жопе не дали!

— За что?! — вскинулся Мухтарыч.

— Не знаю за что. Просто по жопе я получал куда чаще, чем награды и почести!

Острые пики скал внизу стали выравниваться, постепенно переходя в запорошенную снегом холмистую равнину со скальными выходами кое-где. Ребята успокаивались: смолкли крики, угас беспричинный смех, многие откинулись на холодные дюралевые борта и впали в болезненную чуткую дремоту.

Их главная задача была выполнена, но никто не знал, что ждет впереди. Даже Мухтарыч, который изображал опытного, осведомленного командира, тоже этого не знал. Но он достаточно долго жил и помнил поговорку: «Хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах...» Поэтому и не любил загадывать. Хотя ободрить и поддержать ребят хотелось — они этого заслужили.

* * *

Полевого лагеря у нового джамаата¹ не было. Жили каждый у себя дома, собираясь в обусловленное время у Мусы в гараже. Гараж большой, бетонный, в него даже КамАЗ без прицепа входил, когда отец Мусы движок перебирал. Нет теперь ни КамАЗа — его сожгли враги, ни отца — погиб, защищая свою землю от федералов.

А в стене гаражной ямы Муса сделал тайник, там теперь оружие хранится: обрез охотничьего ружья, старый-престарый наган, обгоревший макаров и две гранаты. Кое-что купили на базаре, что-то выменяли, что-то осталось от погибших старших. С тайником Муса хорошо придумал. Очень удобно: пришел к другу, не рискуя по пути быть захваченным с оружием, а из его дома вышел на задание вооруженным моджахедом. И выходы оттуда отличные: верхний Арна-Юрт расположен в предгорье, подходы к дому с высоты хорошо просматриваются, незаметно никто не подкрадется, зато уйти из подворья тремя разными путями можно. Лучше всего — через сад, оврагом.

Шамсутдин, который пока был за старшего, Мусу похвалил и у себя в гараже такой же тайник сделал, однако хранить там пока особо и нечего: только небольшой плоский пистолет. Такие называют «генеральскими» —

---

¹ Джамаат — территориально-этническое объединение для ведения подпольной террористической деятельности.

Шамсутдин подобрал его на месте взорванной и расстрелянной колонны и спрятал, чтобы отец не забрал. Хотя генералов среди погибших вроде не было, ну да какая разница? Главное, что пистолет есть! А командиру пистолет обязательно положен! И конечно, он по секрету показал его самым доверенным друзьям, да и остальные каким-то образом узнали... Впрочем, это только укрепило положение Шамсутдина: стало ясно, что это настоящий командир!

— Оружия у нас мало, — говорил Шамсутдин. После этих слов среди шести слушателей, сидевших на старых автомобильных покрышках за гаражом, пронесся озабоченный шепот. Самому старшему здесь недавно исполнилось двадцать два года, и это был сам Шамсутдин. Высокий, плотный, он выглядел старше своих лет, и борода у него была черная и густая, как и положено моджахеду. К тому же он много лет занимался борьбой и даже являлся чемпионом района. Словом, его уважали, по крайней мере в своем кругу. Хотя амбиции его были гораздо выше.

— Скоро произойдут важные события, — продолжал Шамсутдин. — Моего отца тогда признают амиром, а я буду его заместителем...

— А тебя поставят заместителем дяди Висхана? — спросил Муса. — Тут же надо авторитет иметь!

— Не бойся, я заработаю, — уверенно сказал Шамсутдин. — А потом выделю свой отряд из молодых ребят и сам стану амиром. А вас, с кем начинал, назначу командирами групп!

— Это справедливо! — сказал Алдан и все одобрительно зашумели.

— Только сидя дома никто командиром не станет! Нужно заявить о себе! И тогда к нам придут еще люди, много людей. А весной мы уйдем в горы и сделаем там полевого лагерь. Будем называться «Молодые моджахеды».

ды». И все будут нас бояться, даже федералы к нам не сунутся!

— Почему не сунутся? — спросил самый младший, Руслан. Ему было всего шестнадцать, и он выглядел, как ребенок: щеки и подбородок гладкие, борода совсем не росла. — Они вон сколько отрядов разбили... Даже отряд самого Борза!

— И амира Умарова, — добавил Муса. — Почему к нам не сунутся?

— Потому что мы сильнее всех будем! — пообещал Шамсутдин, и «молодые моджахеды» закивали, хотя не очень уверенно.

* * *

Когда вызывают к большому начальству, то даже боевым генералам не по себе: они знают, как легко ломаются чужие судьбы и понимают, что в такие моменты могут столь же легко хрустнуть и их собственные. Но сейчас был тот редкий случай, когда их ждали приятные сюрпризы: Управление специальных операций успешно выполнило задачу по ликвидации Саббаха и дестабилизировало обстановку среди боевиков Северного Кавказа, за это полагались благодарности и награды. Можно сказать, что они и были первыми триумфаторами: необходимые донесения по радиосвязи поступили, объективные подтверждения в виде спутниковых снимков разгромленного «гнезда Саббаха» уже легли на стол министра, а следовательно, руководителям управления оставалось получить положенные почести и награды.

Правда, особенность состояла в том, что сегодня триумфатор состоял как бы из двух половинок: начальник УСО генерал-лейтенант Дединец уходил в отставку, а его заместитель генерал-майор Коцубенко готовился принимать дела. Словом, ситуация была щекотливая и во всяком случае не очень приятная для обоих. Хотя, если

сравнивать, Дединцу было гораздо менее приятно, чем заступающему на его место «сменщику».

В Министерство обороны генералы приехали каждый в своей машине, и это о многом говорило. С одной стороны, для того и существует у каждого руководителя собственный выезд, чтобы один не зависел от другого, с другой — когда едут в одно место, то дружные начальник и заместитель усаживаются в одно авто... Но откуда взяться дружбе, если Коцубенко специально назначили замом под Дединца: чтобы осмотрелся, привык на новом месте, а через пару месяцев сам занял освободившееся кресло...

В приемную они вошли вовремя. Дединец был в сером костюме, светло-голубой сорочке и синем галстуке. Вообще-то к министру по старой памяти приходили в форме, даже когда министерское кресло занял гражданский человек, но начальник УСО и раньше позволял себе вольности, ссылаясь на необходимость соблюдать личную конспирацию. Он напоминал спортсмена — высокий, худощавый, седой и, несмотря на свои шестьдесят пять, широкоплечий — во всяком случае, верхняя часть туловища даже на беглый взгляд была заметно шире нижней. На подбородке справа белел косой шрам — след бурной диверсионной молодости. Держался он со всеми строго и отстраненно, не заводил друзей в штабе и не окружал себя полезными или «преданными» людьми — верный признак того, что за должность не цепляется, так как получил ее в былые времена за заслуги, а не за услуги. Личный состав групп СПн¹ его любил: все знали, что каждый год Артем Николаевич прыгает ночью с трехсот метров, на полигоне показывает, как надо стрелять и как лучше установить боевую гранату на «растяжку». Друзей у Дединца почти не было,

---

¹ Группы СПн — специального назначения.

впрочем, учитывая уровень его допуска, это считалось положительным качеством, обеспечивающим конспирацию. Начальство относилось к нему хорошо, но несколько снисходительно: дескать, чудака из прошлого, времена таких, как он, канули в Лету... Но положительный результат Дединец давал всегда!

Павел Васильевич Коцубенко пришел в форме. Недавно он разменял пятьдесят три, а потому считался перспективным молодым генералом новой формации. Действительно, он был служакой иного склада и выглядел совсем по-другому: стодвадцатикилограммовый крепыш среднего роста, с красным грушеобразным лицом, коротким ежиком волос и небольшими жесткими усами под широким носом. Живот и седалище обогнали плечевой пояс — это тоже было заметно с первого взгляда, впрочем, на перекладине он подтягивался тридцать пять раз, укладывался в норматив в трехкилометровом кроссе, а рукопашный бой — один против троих — проводил по уровню краповых беретов. Правда, об этом было известно в основном с его собственных слов. Зато он был общителен, умел заводить друзей, говорить тосты, быть полезным руководству. Как-то само собой он оказывался в центре любой компании. Кто-то метко пошутил на его счет: «Паша на любой свадьбе жених, а на любых похоронах — покойник...»

В приемной генералов «мариновать» не стали — министр принял их немедленно. В просторном кабинете, обшитом деревянными панелями и обставленном хорошей мебелью, было светло — солнечные лучи просвечивали высокую комнату наискосок, создавая впечатление жаркого лета за окном.

— Прошу вас, товарищи генералы! — Министр встал, обошел огромный письменный стол и двинулся навстречу. Это был сугубо штатский человек с мягкими манерами интеллигента. Он пожал руки вошедшим,

вызвал заместителя, курировавшего специальные операции, пригласил всех к длинному столу для совещаний, как бы подчеркивая дружеский, неформальный характер беседы. Министр и его заместитель умело провели процедуру триумфации, в отработанной словесной форме воздав должное мастерству генералов, их профессиональным качествам и умению руководить подчиненными.

— Конечно, основная работа лежала на Артеме Николаевиче, — сказал министр. — Но Павел Васильевич тоже успел подключиться и внес свой вклад...

— Нет, ну какой с меня вклад, — деликатно возразил Коцубенко. — Это полностью заслуга Артема Николаевича. Но я надеюсь в дальнейшем...

— Все получают награды, — продолжил министр, как будто его никто и не пытался перебить. — И вы в первую очередь. К Новому году мы подготовим приказы... Артем Николаевич, хотите наградное оружие? У вас же есть кровники, надо соблюдать осторожность...

— При целенаправленной акции оружие редко помогает, — со знанием дела сказал Дединец. — Разве что позволяет забрать с собой пару человек...

— В моем наградном фонде сейчас есть интересные зарубежные образцы, — не услышав возражения, продолжил министр. — Восемнадцатизарядный «Глок», например?

— Спасибо, товарищ министр, — невозмутимо ответил Дединец. — У меня уже есть табельный «Стечкин» и наградной «ПМ». Так что, если надо будет застрелиться — есть из чего!

— Что ты, что ты! — Министр даже замахал руками и, что еще более необычно, перешел на «ты». — Выйдешь на пенсию, поездишь за границу, мир посмотришь!

— Да, да! — закивал Коцубенко. Замминистра стоял с нейтральным лицом и приветливой улыбкой, сохра-

нившейся с момента поздравления. Выражение лица и улыбка не соответствовали друг другу.

— С моими допусками я могу посмотреть мир только через автоматный прицел, — по-прежнему спокойно сказал Дединец. — Да и за казенный счет — своих-то денег не накопил...

— Ну, с этим мы что-нибудь решим. — Министр снова как будто не слышал возражений. Может, он не вдавался в детали, а может, действительно думал отправить секретносителя высшей категории в заграничный круиз, несмотря на то, что лицо заместителя отражало полную невозможность такого решения. И Коцубенко хотя и продолжал кивать, но с видом полной безнадежности.

— А где сейчас ваша группа? — спросил министр.

— Эксфильтруется вертолетом из района боевых действий, — доложил Дединец. — Будет в Москве завтра.

— Товарищ министр. — Коцубенко переступил с ноги на ногу, узорчатый паркет закрипел под грузным телом. — Поскольку мне придется руководить группой, я хотел бы доложить вам план ее дальнейшего использования...

— Вначале я вам кое-что доведу. — Министр сделал знак заместителю, тот достал из серванта и поставил на полированный стол бутылку дагестанского коньяка, бокалы и тарелочки с тонко нарезанными сыром и копченой колбасой.

— Позвольте вам помочь, Борис Борисович. — Коцубенко ловко наполнил бокалы, не обратив внимания на легкую улыбку Дединца.

— За ваш успех, товарищи генералы, — торжественно произнес министр. — Особенно за вас, Артем Николаевич!

Он пригубил бокал и поставил на стол. Замминистра сделал точно так же. Коцубенко последовал примеру старших начальников. И только Дединец со вкусом выпил до дна, закусил колбасой, попробовал сыр, одо-

брительно кивнул. В глазах Коцубенко мелькнуло сожаление: видно, он тоже хотел выпить и хорошо закусить.

— Так вот, товарищи генералы, — продолжил Министр. — Обстановка в мире меняется, очень скоро перемены коснутся и нашего министерства. Нам придется мирно решать конфликт на Кавказе. Хотим мы этого или не хотим, но военный путь контрпродуктивен...

Дединец со стуком поставил рюмку на стол и внимательно слушал. Лицо его, как всегда, оставалось бесстрастным и вроде бы ничего не выражало. Хотя те, кто знал его хорошо, отметили бы, что это не так: вроде бы бесстрастное лицо выражало недовольство.

— Хуже всего то, что западные разведки получили информацию о вашей группе. Как она называется? — Министр перевел взгляд на своего заместителя, тот отрицательно покачал головой. Посмотрел на Коцубенко, но тот повторил жест отрицания — он тоже не знал ответа. Холодные голубые глаза министра остановились на Дединце.

— «Сандал», — коротко ответил генерал-лейтенант. — И что из этого следует?

— Вы же знаете, как расценивает Европа и Америка события на Кавказе? — строго спросил министр. — Как борьбу горцев за свободу и независимость!

— Да уж видел я эту борьбу вблизи! — не менее строго ответил Дединец. — И отрезанные головы наших ребят видел, и как эти звери кожу с пленных сдирали...

Он скрипнул зубами.

— А «Сандал» поубавил их пыл и показал, что надо соблюдать правила войны!

Но эти слова в очередной раз не дошли до сознания министра.

— И вот получается, — продолжил он. — Войны у нас никакой нет, но есть группа из представителей коренных народов Кавказа, знающих местные обычаи и традиции,

наскоро изучивших Коран и действующих против своих братьев по крови под видом таких же борцов за свободу. Втираются к ним в доверие и коварно уничтожают...

— Коварно?! — Дединец сказал еще что-то, но во время понизил голос, так что добавленных слов не слышали. Понятно только было, что он не поддержал гуманных и толерантных взглядов зарубежных коллег, причем отсутствие поддержки, скорей всего, было выражено в нецензурной форме. Но на речи министра это не сказалось.

— То есть нас могут обвинить в провокации, разжигании межнациональной розни и т.д. и т.п. Вплоть до геноцида — самого страшного международного преступления! — повысил тон министр. — Вот какой скандал может вспыхнуть из-за вашего «Сандала»!

Замминистра скорбно кивнул, поддерживая начальника: дескать, объективная реальность такова и никуда от нее не денешься!

— Международный скандал на весь мир! — развел руками зам.

Коцубенко молчал. Но, в отличие от обычного, вид у него был не очень победный.

Всегда бледное лицо Дединца порозовело.

— Идею группы утверждали на всех уровнях! И она отработала очень эффективно!

Министр смягчил тон:

— Да, решение было принято, оно оказалось эффективным в оперативно-боевом отношении. Но в свете политической конъюнктуры — ошибочно. Решение придется менять...

— Каким образом?! — нахмурился Дединец.

— Какая моя задача? — насторожился Коцубенко.

Министр пожал плечами, сделал рукой жест, будто сметает выпивку и закуску на пол, а сам вернулся за свой стол и сел в кресло.

— Группа распускается, точки конспиративного прикрытия ликвидируются. Отличившиеся бойцы получают награды и направляются для продолжения службы. Но не в свои части, а в другие подразделения СПн, желательно с отдаленной дислокацией. С каждого взять подписку о неразглашении. В течение года осуществлять оперативный контроль за всеми: образ жизни, увлечение спиртным, ненужная болтовня, сомнительные связи... В случае необходимости принимать соответствующие меры.

— Какие меры? — спросил Дединец тоном, не предвещающим ничего хорошего. — Ликвидация, что ли?

— Ну зачем вы так? — скривился министр. — Соответствующие меры. Их мы будем обсуждать в каждом конкретном случае особо. Скорей всего, обсуждать мы их будем уже с товарищем Коцубенко.

— Так точно, товарищ министр! — вытянулся Коцубенко. — Готов в любой момент приступить к обсуждению!

— Да погоди! Готов он! — в сердцах сказал Дединец. — Ребята еще летят с территории войны! Пусть хоть до мирной жизни дотянут!

— Все свободны! — объявил министр, который, по своему обыкновению, не отклонялся от курса, как захватившая цель торпеда. — Детали мы еще обговорим.

Руководители Управления специальных операций вышли.

— Мне кажется, правильное решение приняли — отправить Артема на пенсию, — глядя на закрывающуюся дверь, сказал Министр. — И своевременное!

— Да, возраст, ничего не поделаешь, — согласился зам.

— Не только в возрасте дело. Какой-то он желчный, ершистый, угрюмый, ничего ему не надо, — поморщился министр. — Недаром ни жены, ни детей, ни друзей, одна собака... Даже дома приличного не выстроил. И упертый! Вот сейчас будет Коцубенко за эту свою группу

агитировать. А ведь «Сандал» уже сделал свое дело, решение по нему принято... Зачем плыть против течения? Еще наломает дров напоследок... В общем, продумай, как избежать возможных осложнений. И доложи свои соображения через час-полтора!

Министр ошибся: о «Сандале» Дединец ничего не сказал. Махнул рукой вскочившему референту-капитану, а когда вышли в коридор, заметил:

— Вот этот капитан и должен коньяк с закуской на стол ставить. Да и ты, Паша, не спеши никогда разливать... Не генеральское это дело...

— Так я заместителю министра помог, — удивился Коцубенко. — Что тут такого?

— А зачем ему помогать? Раз нравится подавать и разливать — пусть разливает. Значит, есть у него в душе жилка официанта. А у уважающего себя человека ее быть не должно! Тем более у генерала...

Они вышли из министерства, попрощались, каждый сел в свою машину. Дединец взглянул на часы.

«Ну, где там Маджидов с ребятами?» — с непонятным беспокойством подумал он. Почему-то эта мысль не оставляла его в покое, хотя никаких объективных причин для опасений не имелось. А фамилия Маджидов была настоящей фамилией командира «Сандала», которого вся группа знала под прозвищем Мухтарыч.

* * *

Вертолет набрал скорость и высоту. Разговоры в нем стихли: возбуждение прошло, и бойцы просто отдыхали.

Спирт помогал плохо — плечо болело все сильнее, и Аюб уже жалел, что отказался от промедола. Коротким жестом подозвал Тихого:

— Дай шприц-тюбик. Спирт уже растворился в крови...

— Думаешь? — с сомнением спросил тот. — Вроде времени мало прошло...